

М.А. Дандамаев

РАСПАД ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОЦЕССЫ ПРИВАТИЗАЦИИ В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ¹

«Где имеются доходы, но никто не становится
богатым, и где расходам нет конца – Что это
такое? (Ответ): Дворцовое хозяйство»

(Шумеро-вавилонская загадка)²

Современные процессы приватизации, ставшие особенно интенсивными во многих странах в течение последних десятилетий, вызвали во всем мире значительный теоретический интерес к проблеме распада всеохватывающих секторов государственного и храмового хозяйств в древности. Самая значительная попытка осмысления этих процессов была сделана на международном симпозиуме на тему «Приватизация на древнем Ближнем Востоке и в античном мире», проведенном Нью-Йоркским университетом в 1994 г., материалы которого были опубликованы два года спустя³.

Рассматривая основные тенденции приватизации земли, ремесла и денежных средств в течение последних пяти тысяч лет, участники симпозиума стремились в частности ответить на следующие вопросы. Было ли частное предпринимательство исконным или же оно возникло после предпринимательства, обслуживавшего государственный и храмовый секторы экономики? Развивается ли мировая экономика в направлении усиления общественного контроля и государственного регулирования или же в обратную сторону? Был ли в древности аппарат управления таким же неэффективным и коррумпированным, как современная бюрократия?

Настоящая статья состоит из краткого обзора эволюции основных экономических укладов Месопотамии III и II тысячелетий, довольно обстоятельного исследования экономики и социальных институтов I тысячелетия до н.э. (т.е. Нововавилонского и Ахеменидского периодов – главным образом VII–V вв.) и заключения.

Еще на заре цивилизации, в Раннединастический период (около 2800–2500 гг.), если не с более раннего времени, в Шумере (Южная Месопотамия) сосуществовали храмовые, дворцовые и общинные хозяйства⁴. Первоначально храмовые хозяйства возникли на земле, выделенной для организации культовой службы, и необходимую работу по ее возделыванию выполняли сами общинники. Номинально эта земля считалась собственностью главного бога данной местности. Но постепенно храмы стали собственниками обширных сельскохозяйственных угодий, дававших сотни тысяч литров зерна, и крупных ремесленных мастерских. Таким образом, храмы

¹ Данная работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 00-01-00019.

² The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. V. I/J. Glückstadt, 1960. P. 225.

³ Privatization in the Ancient East and Classical World / Ed. M. Hudson, B.A. Levine // PMB. 5. Cambr. (Mass.), 1996.

⁴ См. Edzard D.O. Private Land Ownership and its Relation to «God» and the «State» in Sumer and Akkad // PMB. 5. P. 114.

получили возможность создавать значительные запасы продовольствия, которые предназначались на случай голода и других чрезвычайных обстоятельств, а также для международного обмена и, само собой разумеется, для жертвоприношений. Уже тогда и в течение двух следующих тысячелетий жертвоприношения, основная часть которых предназначалась для праздничных пиршеств населения, были основным, если не единственным источником мясного питания, которое подавляющей части народа оставалось недоступной роскошью в ее повседневной жизни⁵.

О шумерском храмовом хозяйстве наглядное представление дают документы обширного архива храма богини Баба, функционировавшего во второй половине XXIV в. в городе-государстве Лагаше. Этим хозяйством управляла жена правителя (энси) Лагаша, которая выполняла обязанности жрицы указанного святилища. Ее муж был главой государства и одновременно управителем храма Нингирсу, главного бога Лагаша и супруга Бабы. Но архив этого хозяйства не сохранился или еще не обнаружен.

Собственность храма Бабы состояла приблизительно из 4500 га пахотной земли, а также ряда ремесленных мастерских. Сравнительно небольшая часть земли предназначалась для обслуживания культа и собственно храмового хозяйства, а остальная земля отдавалась в аренду за часть урожая (обычно за одну треть) или же в виде наделов распределялась среди храмовых чиновников, земледельцев и ремесленников в порядке вознаграждения за их работу. При этом посевное зерно, тягловый скот и рабочий инвентарь принадлежали храму. Основным сельскохозяйственным продуктом был ячмень, из которого также варили пиво, самый распространенный в древней Месопотамии алкогольный напиток. Храм получал доходы также от скотоводства, а обширные заболоченные районы позволяли заниматься рыболовством, улов которого шел на жертвоприношения и на пищу храмового персонала.

На храм работало около 1200 человек, принадлежавших к полусвободным слоям населения, включая также около 100 рыбаков и 200 женщин, трудившихся в прядильных и ткацких мастерских, на кухнях и скотных дворах. Среди них были также рабыни.

Можно с уверенностью предположить, что значительная часть пахотной земли, принадлежавшей городу-государству Лагашу, была собственностью храмов, одним из которых и было святилище Бабы. Начиная с 20-х годов XX в., в течение нескольких десятилетий в науке господствовало мнение, высказанное известным шумерологом А. Деймелем, согласно которому в III тыс. вся пахотная земля в шумерских городах принадлежала храмам или контролировалась ими и поэтому эти города стали называть храмовыми⁶. Однако эта гипотеза была пересмотрена после того, как появились свидетельства о том, что общинники также владели землей⁷.

Как мы видели выше, храмовое хозяйство Лагаша фактически контролировалось правителем этого города и его женой. Несколько позднее, в XXIII в. в Месопотамии возникло обширное дворцовое (или государственное) хозяйство⁸. Царь стал собственником обширных земельных массивов, часть которых обрабатывалась зависимыми от дворца людьми, а остальные предоставлялись в виде наделов царским чиновникам и различным ремесленникам в порядке вознаграждения за их службу и работу. Наконец, часть земли царская администрация сдавала в аренду⁹. Размеры царских

⁵ См. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. М., 1983. С. 140–141.

⁶ Обзор этой литературы см. *Foster B. A New Look at the Sumerian Temple State // JESHO. 1981. XXIV. P. 225–226.*

⁷ *Gelb I. J. On the Alleged Temple and State Economies in Ancient Mesopotamia // Studi in onore di E. Volterra. V. VI. Rome, 1969. P. 144–145* (с учетом более ранних работ И.М. Дьяконова).

⁸ Вслед за И.М. Дьяконовым мы называем государственным дворцовое или храмовое хозяйства, когда они фактически составляли единый комплекс, что было характерно для ранних периодов истории Месопотамии.

⁹ *Ellis M. de J. Agriculture and the State in Ancient Mesopotamia. Philadelphia, 1976. P. 80–81.*

(или государственных) земель значительно расширились за счет владений частных лиц и храмов, хотя те и другие хозяйства продолжали существовать. Например, около 2240 г. царь Маништусу купил 8 больших массивов земли общей площадью 3430 га у глав ряда расширенных семей, т.е. семей из нескольких поколений, находившихся под властью *rater familias*. Царь заплатил не только цену земли, но также сделал подарки некоторым продавцам. Тем не менее высказывалось мнение, что уплаченная цена была низкой, а сама продажа была совершена по принуждению¹⁰.

Поглощению храмовых имений дворцовым хозяйством помогло и обожествление царя Нарамсина (около 2236–2200 гг. до н.э.), поскольку теперь он как бог мог претендовать на храмовые земли¹¹.

По свидетельству одного документа из Лагаша, царь Шаркалишарри (2200–2176 гг.) купил около 800 га пахотной земли у группы чиновников (управители, писцы и др.), ведавших большими храмовыми владениями, за 75 мин серебра. Как отмечает Стейнкеллер, эти продавцы вряд ли имели право на владение продаваемой ими землей. Он также считает, что это была принудительная продажа или даже конфискация и что многие из продавцов, вероятно, продолжали управлять теми же имениями и при новом хозяине¹².

Зенита своего развития царское, или дворцовое, хозяйство в Месопотамии достигло в период III династии Ура в XXI–XX вв. Никогда ни до этого, ни после этого царская земельная собственность не достигала таких колоссальных размеров, как при правлении царей государства Ура. Оно вообще не поощряло самостоятельного ведения хозяйства частными лицами и стремилось монополизировать всю собственность страны. При этом прежняя храмовая земля полностью была включена в систему гигантского государственного хозяйства и находилась под жестким контролем царской администрации, хотя официально она считалась собственностью главного бога того или иного округа¹³. При этом цари пользовались совершенно неограниченной властью.

Основная рабочая сила состояла из так называемых гурушей, полусвободных мужчин, сведенных в отряды и работавших круглый год на полях, в садах и ремесленных мастерских под контролем надсмотрщиков¹⁴. Среди них были как земледельцы (пахари, виноградари, садовники), так и ремесленники (медники, кузнецы, кожевники, ткачи, плотники, горшечники и др.). Велся также тщательный учет рабочей силы, включая больных и умерших. Во время срочных сезонных работ (например, жатвы) прибегали и к найму работников¹⁵.

По мере надобности рабочую силу перебрасывали с места на место, ибо отдельные филиалы государственного хозяйства были тесно связаны между собою, регулярно производя необходимый обмен и перераспределение продукции. Всеми этими филиалами руководила царская администрация из столицы империи Ура. Туда же доставляли большую часть урожая. Например, в 2045 г. из одной провинции было привезено в Ур около 15 млн. литров ячменя¹⁶. Подобным же образом после стрижки овец значительную часть шерсти доставляли в Ур, перерабатывали там и в виде

¹⁰ Westenholz A. Mesopotamien Akkade-Zeit und Ur III-Zeit // *Orbis Biblicus et Orientalis*. 1999. 160/3. P. 44.

¹¹ Steinkeller P. Land-Tenure Conditions in Southern Babylonia under the Sargonic Dynasty // *AOAT*. 1999. Bd 267. P. 554.

¹² Ibid. P. 556.

¹³ О взаимоотношениях между центральным царским хозяйством и государственными имениями в отдельных округах см. Тюменев А.И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.–Л., 1956.

¹⁴ По мнению В.В. Струве, это были рабы (см. Струве В.В. Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура // Сборник в честь Ольденбурга. Л., 1934. С. 495–507), однако в самих документах они отличаются от рабов.

¹⁵ Maekawa K. Collective Labor Service in Girsu-Lagash: The Pre-Sargonic and Ur III Periods // *AOS*. 1987. 68. P. 69.

¹⁶ Renger J. Subsistenzproduktion und redistributive Palastwirtschaft: wo bleibt die Nische für das Geld? // Schelkle W., Nitsch M. Rätsel Geld Annäherungen aus ökonomischer, soziologischer und historischer Sicht. Marburg, 1995. S. 313.

готовой одежды сдавали на склады. Огромные доходы царского хозяйства использовались в частности для международной торговли, особенно для доставки металлов из стран, удаленных от Месопотамии на многие сотни километров.

В этот период жрецы полностью находились на положении царских чиновников. Они, как и должностные лица храмовой администрации, получали пайки или же еще чаще вместо пайков им отводили наделы земли. Такие наделы выдавались также части ремесленников. В зависимости от ранга и положения владельцев наделов площадь последних колебалась от 0,3 до 18 га. При этом наместники городов могли получать по несколько сот га. Кроме того, ремесленники, писцы, купцы, пастухи и чиновники административного персонала могли также арендовать землю за долю урожая.

Государство круглый год выдавало пищевые пайки работникам царского хозяйства и их семьям, включая малолетних детей и нетрудоспособных стариков. При этом огромная часть городского населения, так или иначе связанная с дворцовым хозяйством, целиком зависела от таких пайков. Последние не имели прямого отношения к выполненной работе, а зависели от положения в иерархической системе и считались раз и навсегда установленными, хотя в критические периоды (например, неурожай, войны) пайки одними продуктами могли быть заменены другими. Основным продуктом питания и, следовательно, главной статьей пайков был ячмень, который к тому же играл доминирующую роль мерил стоимости в III и II тыс., хотя расчеты производились в серебряном эквиваленте. Обычной нормой для взрослого мужчины был 1 л ячменя в день, а для женщины 0,7 л. В период между 2060–2010 гг. взрослые мужчины получали от 15 до 25 л ячменя, 10 л фиников и 2,5 л растительного масла в месяц. Иногда выдавали также экстраординарные пайки овощами, пивом, рыбой, фидами и т.д. Кроме того, работникам и служащему персоналу раз в год выдавали 2 кг шерсти, из которой можно было сделать всего одну одежду, которую, очевидно, носили целый год бесценно¹⁷. В одном документе зафиксирована выдача 1148 талантов (около 34 440 кг) шерсти рабам и рабыням. Даже при расчете 4 мины на человека в год получается 17220 человек¹⁸. Вероятно, общее количество населения, получавшего пайки от государства, доходило до 0,5 млн человек или более. Другими словами, государство снабжало работой и кормило основную часть населения страны. Очевидно, именно этим объясняется мнение некоторых зарубежных ученых о том, что при III династии Ура восторжествовал «государственный социализм»¹⁹.

Держава III династии Ура была классическим образцом бюрократического ведения хозяйства с очень развитым бухгалтерским учетом перемещения рабочей силы, расходов продукции с учетом даже самых мельчайших вещей и доходов, поступавших на все государственные склады. Все эти процессы отражены в десятках тысяч документов хозяйственной отчетности. Среди них сохранились тысячи глиняных продовольственных аттестатов с указаниями о необходимости выдачи муки, пива и кунжутного масла для царских чиновников и гонцов, находившихся в пути по государственным делам. Иногда такие служебные поездки охватывали многие сотни километров и, начиная от места выхода и до места назначения, на каждой промежуточной стоянке каждого чиновника или работника ждали установленные для них пайки в зависимости от их ранга и положения.

Многие ученые высказывали мнение, что в державе III династии Ура вся пахотная земля принадлежала государству. Например, Стейнкеллер пишет, что в III тыс. в Месопотамии собственность на пахотную землю была исключительной прерогативой богов, а индивидуальная собственность на нее вообще не существовала²⁰.

¹⁷ Waetzoldt H. Compensation of Craft Workers and Officials in the Ur III Period // AOS. 1987. 68. P. 125.

¹⁸ Ibid. P. 127–128.

¹⁹ См. литературу: *Gelb*. On the Alleged... P. 146.

²⁰ *Steinkeller P.* Land-Tenure Conditions in Third-Millennium Babylonia: The Problem of Regional Variation // *Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East (PMB 7)* / Ed. M. Hudson, B.A. Levine. Camb. (Mass.), 1999. P. 294.

Однако Гельб справедливо отметил, что отсутствие сделок о продаже полей свидетельствует скорее о том, что отчуждение земли не допускалось, чем об отсутствии права на владение землей частными лицами²¹. По мнению И.М. Дьяконова, в период III династии Ура государственные (т.е. дворцово-храмовые) хозяйства занимали лишь часть территории страны, и архивы, относящиеся к ним, не отражают то, что происходило за их пределами, а именно на земле, принадлежавшей индивидуальным расширенным семьям, которые входили в территориальные общины²². От периода III династии Ура сохранились также контракты об аренде полей частными лицами друг у друга, но таких источников мало, и их толкование не всегда бесспорно²³. Кроме того, в одном документе того же времени упоминается поле, которое граничило, в частности, с полями, принадлежавшими соответственно кузнецу и кожевнику²⁴.

В конце III тыс. империя Ура стала терпеть поражения одновременно от аморейских племен, наступавших с запада, из Сирийской пустыни, и эламитов с востока. Вскоре государственные хозяйства были дезорганизованы, склады разорены и разграблены. Положение в столице державы Уре стало критическим, цены на зерно поднялись в десятки раз, и городское население, целиком зависевшее от пайков, голодало. Наконец, в 2004 г. эламиты увели в плен последнего царя III династии Ура, и само это государство перестало существовать.

После падения державы Ура власть в Месопотамии перешла к царям из города Иссина на западе страны. Хотя прежнюю экономическую систему с ее всеохватывающим государственным контролем не удалось сохранить в полном виде, многие ее элементы все еще продолжали функционировать. Место подневольных гурушей, работавших круглый год под надзором и живших за счет пайков, заняли арендаторы, которые приносили дворцу определенный доход. Услуги чиновников также вознаграждались наделами из государственного земельного фонда. Урская система ремесленных мастерских подверглась некоторым важным изменениям. Из Иссина сохранился довольно обстоятельный архив, фиксирующий работу ряда ремесленных мастерских за период от 2017 до 1975 г. По документам этого архива достаточно хорошо прослеживаются все этапы работы от получения сырья до сдачи готовой продукции на склад. Среди ремесленников упоминаются плотники, кожевники, корзишники и сукновалы, которые группами по 15–20 человек работали под присмотром надзирателей. Однако эти люди работали только поочередно, через день, и можно предполагать, что часть времени они трудились в своих собственных мастерских²⁵.

После упадка Иссина ведущая роль в Южной Месопотамии в XIX–XVIII вв. перешла к городу Лагашу²⁶. В XVIII в. при знаменитом вавилонском царе Хаммурапи и его преемниках дворцовое хозяйство продолжало совпадать с государственным сектором экономики и оставаться ведущим. Храмы снова попали в подчинение к царской администрации. Кроме того, международная торговля также была сосредоточена в руках государства.

Распределительная система пайков уже отсутствовала, и царские чиновники, а также ремесленники и воины получали наделы земли площадью 9–12 га. Эти наделы в полной мере обеспечивали гарантированное существование их держателей. Для того времени известны два вида наделов, а именно «(приносящие) доход» (*biltu*) и «повинностные» (*ilku*). Первые из них распределялись среди людей государ-

²¹ *Gelb. On the Alleged...* P. 148–149; *idem. Household and Family in Early Mesopotamia* // OLA. 1979. 5. P. 69–70.

²² История древнего Востока. С. 272.

²³ *Gelb. On the Alleged...* P. 147.

²⁴ *Edzard. Private Land Ownership...* P. 111.

²⁵ См. публикацию документов этого архива: *Mieroop M. van de. Crafts in the Early Isin Period* (OLA. 24). Leuven, 1987.

²⁶ О различных аспектах экономической системы этого государства см. *Козырева Н.В. Древняя Ларса*. М., 1988.

ственного персонала, число которых значительно сократилось по сравнению с предыдущим периодом, а повинностные наделы жаловались воинам.

Через столетие после смерти Хаммурапи государство уже не в состоянии было осуществлять строгий контроль над рабочей силой или, возможно, в этом уже не было надобности. Во всяком случае государство стало нанимать людей для обработки дворцовой земли²⁷.

Некоторые исследователи полагают, что, как и в эпоху III династии Ура, наиболее значительная часть земли в Южной Вавилонии продолжала оставаться в государственной собственности, а индивидуальная собственность на пахотную землю играла лишь незначительную роль. К настоящему времени известны около 800 старовавилонских контрактов о продаже полей, садов и домов. Из них 250 контрактов происходят из Южной Вавилонии, включая 13 документов, где, по мнению Ренгера, речь идет о маргинальных или заброшенных участках. Но еще важнее обратить внимание на полное отсутствие упоминания о полях в документах из Южной Вавилонии о разделе наследства, составленных в течение нескольких поколений. Но положение в северовавилонских городах (Сиппар, Киш и др.) значительно отличалось, поскольку оттуда сохранилось довольно много контрактов о продаже полей²⁸.

В отличие от системы Ура, где наделы перераспределялись каждый год, старовавилонские наделы переходили по наследству от отца к сыну в течение ряда поколений вместе с повинностью, установленной на них. Как отмечает Эдзард, хотя держатели этих наделов еще не были их собственниками, но у них были шансы их приватизации. К тому же, как видно из Законов Хаммурапи (§ 40), существовала особая категория наделов, которые можно было продать при условии, что продавец нес ответственность за выполнение повинности. Хотя и в данном случае не было приватизации в строгом понимании этого слова, поскольку надел все еще формально продолжал считаться государственной собственностью, тем не менее со временем он мог быть приватизирован²⁹. В этот период происходили значительное усиление частного экономического сектора и на общинной земле и рост товарно-денежных отношений, что, разумеется, приводило к разорению части населения³⁰.

В начале следующего Средневавилонского периода (XVI–XI вв.) государству все еще принадлежала значительная часть земли и контроль над храмами. Однако из царского фонда земли все чаще стали передавать во временное пользование государственным чиновникам и другим лицам, нередко с освобождением от налогов и повинностей. Такие земли можно было передавать по наследству и постепенно они превращались в частную собственность.

В конце XIII в. до н.э. начался экономический и политический упадок Вавилонии, в страну стали вторгаться ассирийцы и эламцы, а с середины XI в. также кочевые племена арамеи, обитавших к западу от Евфрата. Это время скудно освещено письменными источниками. В 729 г. Вавилония была завоевана Ассирией и на целое столетие потеряла независимость. В 626 г. вавилоняне подняли восстание против ассирийского господства и, одержав победу над своими врагами, создали державу, которая наряду с Месопотамией охватывала Сирию, Палестину, Финикию и ряд районов Малой Азии и Аравии. Одновременно последовал беспрецедентный экономический расцвет и культурное возрождение страны. Этот период характеризуется исключительным обилием письменных источников, в том числе хозяйственных и административных документов из храмовых архивов, а также частноправовых документов (к настоящему времени опубликовано более 24000 таких текстов). В 539 г. до н.э.

²⁷ Ellis. *Agriculture...* P. 77–79.

²⁸ Renger J. *On Economic Structures in Ancient Mesopotamia* // *Orientalia*. 1994. 63. P. 186–189.

²⁹ Edzard. *Private Land Ownership...* P. 114–116. Cp. *Diakonoff I.M. Socio-Economic Classes in Babylonia and the Balylonian Concept of Social Stratification* // *Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten – XVIII Rencontre assyriologique internationale*. München, 1972. P. 48, где говорится о случаях учреждения частного хозяйства царскими слугами на наделной земле.

³⁰ История древнего Востока. С. 337.

Вавилония была захвачена персами и, навсегда утратив свою независимость, стала частью огромной Ахеменидской империи, которая простиралась от Нубии в Африке до Индии и Средней Азии.

Как и во все предыдущие периоды, в нововавилонское время земледелие оставалось основной отраслью экономики страны. Задолго до этого земля стала частной собственностью и могла свободно отчуждаться. Лишь одну храмовую землю нельзя было продавать, так как она считалась собственностью главного бога той или иной храмовой общины. Формально отчуждению не подлежали также наделы, выделенные государством для несения военной повинности. Как показал ван Дриль в одном из своих недавних исследований, в нововавилонское время часто покупали заброшенную или пахотную землю, чтобы превратить ее в финиковые рощи. Цена таких участков составляла 30 сиклей серебра за 5400 квадратных локтей или, другими словами, 30 кур (5400 л) ячменя составлял эквивалент 1 кур (13500 м² земли). Однако пахотная земля могла стоить и в два раза больше³¹.

Ввиду нерентабельности рабского труда крупные землевладельцы предпочитали обращаться к услугам свободных арендаторов, сдавая им земли маленькими парцеллами, и, таким образом, наличие крупного землевладения сочеталось с мелким землепользованием. Арендная плата была двух видов: размер ее либо устанавливался заранее при заключении контракта либо же владелец земли получал 1/3 урожая, а арендатор – 2/3.

В I тыс. до н.э. продолжали существовать те же три экономических сектора, которые возникли в Месопотамии еще на заре истории, т.е. царское, храмовые и частновладельческие хозяйства. Как мы видели, в III и II тыс. решающее значение имел дворцовый (государственный) экономический сектор, в придаток которого с течением времени превратились храмовые хозяйства, в то время как роль частновладельческих хозяйств была ограниченной. Однако теперь качественное соотношение этих секторов изменилось радикально. Начнем с традиционного царского сектора экономики.

В рассматриваемое время царь владел лишь сравнительно небольшим земельным фондом, управление которым было основано на принципах частновладельческого хозяйства. Такие земли упоминаются лишь в единичных текстах. В частности сохранился весьма примечательный документ об обмене полями между царем Навуходоносором II и частным лицом по имени Халтику, сыном Аххешай, который из других источников нам не известен. Поля были расположены вдоль берега Евфрата в районе Сиппара и каждое из них было площадью по 120 кур (162 га). Сам документ был составлен в Вавилоне в 599 г.³²

Сохранился также контракт о сдаче в аренду «зернового поля, принадлежащего царю». В 587 г. Шулая, глава предпринимательского дома Эгиби, обратился к одному из служащих дворцового управления Навуходоносора II с просьбой сдать ему в аренду это поле «на вечные времена» для насаждения сада. Оно было расположено близ Вавилона на берегу одного из каналов и имело площадь 800 квадратных локтей (около 400 м²). По условиям контракта, арендатор должен был «давать царю вечно половину того, что будет расти на этом поле». В данном случае не совсем ясно, относится ли фраза «на вечные времена» лишь к самому арендатору только или она имела в виду также его будущих наследников³³.

Значительный интерес представляет также документ, по свидетельству которого три лица, ответственных за уток царя Набонида, сдали в 546 г. 41 утку «для ухода» одному «пастуху птиц бога Шамаша», т.е. птичнику храма Эбббарра в Сиппаре³⁴.

³¹ Driel G. van. Land in Ancient Mesopotamia // Landless and Hungry? / Ed. B. Haring, R. de Maaijer. Leiden, 1998. P. 42–43.

³² Bruschweiler F. Un échange de terrains entre Nabuchodonosor II et un inconnu dans la région de Sippar // RA. 1989. 83. P. 153–162.

³³ Strassmaier J.N. Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon. Lpz., 1889. № 115; cp. Ries G. Die neubabylonischen Bodenpachtformulare. B., 1976. S. 14, 148–149.

³⁴ Corpus Inscriptionum Semiticarum. V. 2. Pt 1. P., 1889. № 61.

Позднее, в ахеменидское время, площадь земли, которая находилась в фактической собственности персидских царей, значительно увеличилась. Эти земли в большинстве случаев были расположены в округе города Ниппура и сдавались в аренду известному предпринимательскому дому Мурашу. Например, по свидетельству одного документа, в 420 г. до н.э. дом Мурашу арендовал у царского управляющего поля, расположенные по берегам нескольких каналов, на три года, обязавшись платить ежегодно 220 кур (39600 л) ячменя, 20 кур (3600 л) пшеницы, 10 кур (1800 л) полбы, а также 1 быка и 10 баранов³⁵.

Еще до персидского завоевания в Вавилонии применялась такая система землепользования, когда царь распределял наделы среди своих воинов. От указанного времени о таких наделах сохранились лишь единичные свидетельства³⁶. Но в ахеменидское время эта система широко внедрилась. В частности от второй половины V в. о наделах воинов сохранилось несколько сот документов, составленных в Ниппуре и его окрестностях. Судя по ним, их владельцы не только отбывали воинскую повинность, но также обрабатывали выделенные для них наделы коллективно, группами (или же сдавали их в аренду) и платили определенную денежную и натуральную подать. Среди таких земель самым распространенным был так называемый надел лука, с которого необходимо было выставить лучника для службы в армии во время военных действий. Средняя площадь надела лука не превышала 20 кур (26 га), а нередко была и меньше³⁷.

Наделы переходили по наследству по мужской линии, а при отсутствии наследников возвращались государству. Наделы также можно было сдавать в аренду при условии, если владелец продолжал нести свою повинность. Кроме того, наделы можно было закладывать и нередко владельцы оказывались не в состоянии выкупить их обратно. Но их нельзя было отчуждать, и кредитор мог брать только урожай как эквивалент долга. Однако иногда кредиторы становились фактическими владельцами наделов под видом усыновления хозяевами последних³⁸.

В одном позднеахеменидском документе (год разрушен), который, возможно, происходит из Ниппура, зафиксирована уплата подати (*ilku*) с 15 наделов лука. В числе других с надела одного ткача было уплачено 1,5 мины серебра и с надела плотника – 1 мина 50 сиклей. Кроме того, 3 сикля было уплачено одним строителем, который владел лишь частью надела. В этом же тексте в качестве владельца упомянут и надзиратель над каналами³⁹. Таким образом, если первоначально наделы лука жаловались для обеспечения существования воинов вместе с их семьями и приобретения ими необходимого снаряжения, с течением времени, в результате закладов, дробления и фиктивного усыновления, владельцами их могли стать и не воины при условии выполнения военной повинности нанятыми для этого новым хозяином лицами.

Известен также еще один способ косвенного отчуждения надела. По свидетельству документа, составленного в 430 г. в Ниппуре, зерновое поле, расположенное на берегу канала Евфрата Ниппурского, было сдано в аренду на 30 лет дому Мурашу за 50 кур (9000 л) фиников в год. Очевидно, предполагалось, что поле будет превращено в финиковую рощу. Надел этот принадлежал двум воинам, которые, судя по их именам, были египтяне, и граничил с землей, принадлежавшей одному лидийскому колонисту из царского войска⁴⁰. Как полагают издатели документа, это была

³⁵ *Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection of Babylonian Antiquities im Eigentum der Universität Jena*. Bd 2/3. Lpz., 1933. № 147; ср. *Cardascia G. Les archives des Murašû*. P., 1951. P. 158–160; *Stolper M.W. Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia*. Leiden, 1985. P. 36–51.

³⁶ *Jursa M. Der Tempelzehnt in Babylonien // AOAT*. 1998. Bd 254. S. 13–18.

³⁷ *Joannès F. Textes économiques de la Babylonie récente*. P., 1982. P. 85.

³⁸ *Cardascia. Les archives...* P. 36–39, 77–80; *Stolper. Entrepreneurs...* P. 24–27.

³⁹ *Joannès. Textes...* № 1.

⁴⁰ *Donbaz V., Stolper M.W. Istanbul Murašû Texts*. Leiden, 1997. № 3.

фиктивная аренда, под которой скрывалась фактическая продажа⁴¹. По-видимому, в позднеахеменидское время надельные воинов разрешалось продавать. Во всяком случае в одном документе, составленном в местности Шатир (недалеко от Ниппура) в 424 г., фиксируется продажа надельного лука за 0,5 мины «чистого» серебра⁴². По мнению Жоаннеса, начальники совокупностей надельных земель сами решали судьбу того или иного надела, когда он становился вакантным, отвечая вместе с другими владельцами надельных земель за несение соответствующих повинностей⁴³.

Дворцу (или государству) принадлежали также крупные каналы, которые управляющие царя сдавали в аренду частным лицам. Каналы вокруг Ниппура часто арендовал дом Мурашу, который в свою очередь сдавал их группам мелких земледельцев⁴⁴. Например, в 439 г. семь земледельцев заключили контракт с тремя арендаторами царского канала, в числе которых был и дом Мурашу. По этому контракту субарендаторы получили право орошать свои поля в течение трех определенных дней в каждом месяце и за это должны были платить своим контрагентам, в частности 1/3 урожая и определенную сумму денег за каждую меру земли⁴⁵.

По приказу нововавилонских и ахеменидских царей выполнялись важные проекты, чтобы улучшить снабжение водой для житейских нужд, ирригации и навигации в регионах Вавилона, Сиппара и Борсиппы⁴⁶. Археологические исследования в Ниппуре и его округе свидетельствуют об увеличении там населения, обработке давно заброшенных земель, сооружении новых каналов и основании новых поселений при Ахеменидах⁴⁷.

Мы не располагаем никакими сведениями о царских ремесленных мастерских нововавилонского времени. Правда, в текстах упоминаются плотники, строители и другие ремесленники царя, но они, по-видимому, были свободными людьми, работавшими за плату. В Ахеменидский период в текстах из Ниппура упоминаются «артели» различных ремесленников, которые получали от царя земельные наделы и за это несли определенные государственные повинности⁴⁸.

Таким образом, царское хозяйство не имело большого удельного веса в экономике Вавилонии. Оно скорее было собственным хозяйством царской семьи. Часть потребностей царя удовлетворяли храмы (об этом см. ниже), но царь содержал свой двор, государственный аппарат и армию в основном за счет налогов. По-видимому, все свободные должны были платить десятую часть доходов государству в качестве налогов. Они обычно уплачивались натурой (скотом, зерном, шерстью и т.д.), но официальные эксперты устанавливали их цену в серебре. Кроме того, некоторые группы населения (как, например, купцы, занятые международной торговлей) платили свои налоги серебром. Царь получал также портовые пошлины, плату серебром и натурой за проход кораблей и лодок по определенным каналам или по определенным мостами. Согласно Геродоту (III. 92), в ахеменидское время Вавилония ежегодно платила персидскому царю 1000 эвбейских талантов (25,86 т) серебра – значительно больше, чем любая другая сатрапия Ахеменидской державы. Как известно, около 519 г. Дарий I установил новую систему государственных податей, в соответствии с которой налоги с земли необходимо было платить серебром с учетом степени плодородности на основе среднего урожая за несколько лет.

⁴¹ Ibid. P. 3, 80.

⁴² Joannès. Textes... № 31.

⁴³ Ibid. P. 40.

⁴⁴ Stolper. Entrepreneurs... P. 37–38.

⁴⁵ The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform Texts (далее – BE), V. IX. Philadelphia, 1898. № 7.

⁴⁶ Cole S.W. Marsh Formation in the Borsippa Region and the Course of the Lower Euphrates // JNES. 1994. 53. P. 81–109.

⁴⁷ Oppenheim A.L. The Babylonian Evidence of Achaemenian Rule in Babylonia // The Cambridge History of Iran. V. II. Camb., 1985. P. 577; Stolper. Entrepreneurs... P. 37.

⁴⁸ См., например: BE. X. 1904. № 6, 9 и др.

Ни для одного периода истории Месопотамии нам не известно соотношение между личным имуществом царя и его семьи, с одной стороны, и государственной собственностью – с другой. Можно было бы предположить, что доход с царских владений был его личным имуществом, а поступления с государственной земли и налоги расходовались для потребностей страны, но не для личных целей царской семьи. Однако, по всей вероятности, не существовало четкого разграничения между государственной и царской собственностью. Если это так, то все государственные доходы (в том числе подати, пошлины и т.д.) формально считались царской собственностью в такой же мере, как и доходы с царских владений в узком смысле этого слова. Мы можем уверенно полагать, что царь, когда он нуждался, мог пользоваться государственными доходами для личных потребностей.

Вавилонские храмы играли большую роль в социальной и экономической структуре общества, будучи центрами религиозной жизни, а также крупными землевладельцами и рабовладельцами. Их административный аппарат состоял из гражданских чиновников, которые не выполняли никаких сакральных функций, чем должны были заниматься профессиональные жрецы.

Весьма богатую информацию о храмах Эанна в Уруке и Эбаббарра в Сиппаре дают архивы этих святилищ. К настоящему времени опубликовано около 5000 документов нововавилонского и ахеменидского времени из Эбаббарры и лишь немногим меньше из Эанны. Гораздо меньше данных у нас из архивов Эсагила в Вавилоне, Эзида в Борсиппе, Экур в Ниппуре, Экишнугаль в Уре и других храмов. Крупным источником доходов для всех этих храмов была десятина, которую члены храмовых общин вносили скотом, зерном, финиками и т.д.

Эанна была главным святилищем богини Иштар и экономическим центром Урука. Судя по археологическим данным, территория округа Урука, кроме самого города, включала еще 107 поселений гораздо меньшего размера⁴⁹. Эанна владела большей частью земель этих поселений и превратила их в основном в плантации финиковых пальм⁵⁰.

Об имуществе Эанны определенное представление могут дать следующие цифры. Она владела приблизительно 16000 га земли⁵¹, 5000–7000 голов крупного рогатого скота и 100000–150000 овец и коз⁵². Согласно одному документу, два работника в течение лишь двух месяцев доставили в Эанну 290 талантов (8700 кг) шерсти⁵³.

Часть земель Эанны обрабатывалась людьми, жившими на храмовой земле, а также арендаторами. Но большую часть земли храм сдавал так называемым сборщикам арендной платы, которые были ответственны за доставку оговоренной при заключении контракта платы. Такие лица должны были надзирать над сбором арендной платы с полей и финиковых рощ, сданных ими в субаренду⁵⁴. Особый интерес представляет сохранившийся в нескольких экземплярах документ, по свидетельству которого в 555 г. два лица арендовали у Эанны 6000 кур (7500 га) земли. Однако в данном случае арендодателем выступает не храмовая администрация, а сам царь Набонид. Сборщики обязались ежегодно отдавать храму в частности 24 000 кур (4,5 млн. л) отборного ячменя и 10 000 кур (1,8 млн. л) «отменных» фиников. При этом сборщики обязались, что указанная земля будет обрабатываться только попеременно и половина ее должна была оставаться под паром. В свою очередь Эанна должна была предоставить в распоряжение сборщиков 400 храмовых землепашцев, 400 волов

⁴⁹ Adams R.M.C., Nissen H.J. *The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies*. Chicago – London, 1972. P. 18.

⁵⁰ Cocquerillat D. *Palmeraies et cultures de l'Éanna d'Uruk (559–520)*. B., 1968. P. 35–36.

⁵¹ Jursa M. *Die Landwirtschaft in Sippar in neubabylonischer Zeit* (AfO, Beiheft 25). Wien, 1995. S. 194.

⁵² San Nicolò M. *Materialien zur Viehwirtschaft in den neubabylonischen Tempeln*. I // *Orientalia*. 1948. 17. S. 285.

⁵³ Joannès. *Textes...* № 58.

⁵⁴ Cocquerillat. *Palmeraies...* P. 37–51.

и 100 коров для замены тех волов, которые могут стать негодными для работы, а также посевное зерно, инвентарь и т.д. Срок арендного договора не указан, и, вероятно, он должен был действовать до тех пор, пока одна из сторон не откажется от него⁵⁵. Заслуживает упоминание также документ, по свидетельству которого в 553 г. один сборщик сдал в Эанну 10 136 кур (1 824480 л) ячменя⁵⁶.

Такие сборщики, с помощью которых обрабатывались финиковые рощи и пахотные земли Эанны (а также и других храмов), принадлежали к средним и низким слоям населения, включая даже храмовых рабов. Например, один из этих сборщиков в начале своего самостоятельного жизненного пути был старшим в группе храмовых рабов из десяти человек, затем арендатором храмовой земли и, наконец, сборщиком арендной платы с земель Эанны⁵⁷.

В Уруке и его округе продолжало существовать и частное землевладение, однако наша информация об этом пока очень ограничена. В руинах домов, когда-то находившихся за территорией Эанны, были раскопаны примерно 350 документов частных архивов, из которых пока издано лишь 93 текста⁵⁸.

Эанна располагала несколькими сотнями рабов, часть которых была квалифицированными ремесленниками. Однако последние не могли удовлетворить все потребности храмового хозяйства. Поэтому Эанна широко пользовалась услугами ремесленников из сословия свободных (ювелиров, кожевников, плотников, кузнецов, ткачей, строителей, прачечников и др.), которые работали за плату и харчи⁵⁹. Кроме того, выполнение обязанностей, связанных с культовой службой, в Эанне, как и в других храмах, было основано на системе пребенд. Пребендарии работали в качестве пивоваров, мясников, пекарей, привратников и т.д. в течение определенных дней и получали за это соответствующий доход (обычно от 1 до 3 кур, т.е. 180–540 л в месяц) ячменем или финиками, которые стоили приблизительно одинаково. Существовало определенное, издавна строго ограниченное количество пребенд, владельцами которых могли стать только свободные, граждане данной храмовой общины. Но пребенды можно было не только отдавать в аренду, но также продавать другим свободным.

Значительный интерес представляют также документы относительно международной торговли, которую вела Эанна через своих представителей. По свидетельству этих текстов, в 551–550 гг. этот храм приобрел несколько сот килограммов железа и десятки килограммов олова и меди из Ионии (юго-западная часть Малой Азии), а также значительные партии пряностей, меда, ароматных субстанций, пурпурной шерсти и лазурита из Сирии и Финикии, квасцы из Египта для отбеливания шерсти и одежды и т.д.⁶⁰.

Сиппар тоже, как и Урук, можно считать «храмовым» городом. Его главный храм Эбаббарра, посвященный богу Солнца Шамашу, владел приблизительно 330–430 кур (412,5–537,5 га) финиковых плантаций и 1000 кур (1250 га) зерновых полей. В храмовом земледелии было занято около 120 работников, не считая 60 садовников, которые были в состоянии обрабатывать лишь 1/3 угодий. Поэтому храмовая администрация сдавала остальную землю в аренду за часть урожая. В период между 557 и 539 годами почти все финиковые рощи сдавались одному и тому же сборщику аренд-

⁵⁵ Yale Oriental Series (далее – YOS). V. VI. New Haven, 1920. № 11.

⁵⁶ Ibid. № 78.

⁵⁷ См. ссылки на тексты: *Dandamayev M.* An Age of Privatization in Ancient Mesopotamia // PMB. 5. P. 199. Материал, содержащийся в указанной работе, частично использован и в настоящей статье.

⁵⁸ *Kessler K.* Uruk. Urkunden aus Privathäusern. T. 1 (Ausgrabungen in Uruk-Warka. Endberichte. Bd 8). Mainz am Rhein, 1991.

⁵⁹ См. ссылки на документы: *Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. М., 1974. С. 177–181.

⁶⁰ См. ссылки на тексты: *Oppenheim A.L.* Essay on Overland Trade in the First Millennium B.C. // JCS. 1967. 21. P. 237.

ной платы за 10000 кур (18 400 гл или 1 350000 кг) фиников в год⁶¹. Что же касается зерновых полей, обрабатывавшие их земледельцы в те же годы доставляли в храм ежегодно по 5000 кур (9000 гл или 558 000 кг) ячменя⁶². Но позднее эти земли также стали передавать сборщикам арендной платы.

В хозяйстве Эаббарры работало также по крайней мере 125 квалифицированных ремесленников (ткачей, кузнецов, медников, плотников, ювелиров, пекарей, пивоваров и др.)⁶³. Кроме того, храм использовал ремесленников из других городов (например, из Вавилона), а также довольно широко прибегал и к наемному труду. Такие наемники обычно использовались на сооружении каналов и на других земляных работах, а также во время уборки урожая. Например, один текст упоминает 123 работника, нанятых администрацией Эаббарры⁶⁴. В другом документе упоминаются 250 наемных работников, которые были заняты на сооружении дамбы в селении Гилушу, недалеко от Сиппара⁶⁵.

Ремесленники, если они были храмовыми рабами, получали лишь харчи, одежду и имели жилище на территории храма, а свободные работали либо в порядке выполнения своих обязанностей по пребенде, либо за плату, установленную по взаимному соглашению. Например, один ткач вместе со своим рабом регулярно выполнял заказы Эаббарры в течение, по меньшей мере, 21 года (552–531 гг.) за соответствующую плату⁶⁶. Сохранилось также довольно много контрактов, заключенных между храмами и ремесленниками, о производстве кирпичей. Например, по свидетельству одного текста, в 604 г. некий ремесленник обязался доставить к определенному времени в Эаббару 10 080 обожженных кирпичей⁶⁷. Другой контракт свидетельствует об отдаче одного «раба бога Шамаша» (т.е. храмового раба) на три года в распоряжение ткача для обучения изготовлению мешков⁶⁸.

Не останавливаясь на сложных взаимоотношениях между дворцом и храмами, отметим, что еще в нововавилонское время все храмы обязаны были отчислять часть своих доходов в пользу царя. После же захвата страны персами храмы платили государству значительные подати мелким и крупным рогатым скотом, зерном, финиками, шерстью и т.д., а также посылали своих земледельцев, пастухов и ремесленников для выполнения царских повинностей⁶⁹.

Как видно из рассмотренного выше материала, нововавилонские храмы значительно отходили от традиционных методов управления, характерных для государственно-храмовых хозяйств более ранних периодов. Это видно не только из того факта, что лишь сравнительно небольшая часть земли обрабатывалась зависимыми от храма лицами, но также и из того, что в ремесленной деятельности труд рабов и других зависимых групп населения применялся лишь в ограниченных масштабах, в то время как свободный труд получил широкое распространение, в том числе и путем введения института сборщиков арендной платы. Все это свидетельствует о процессах приватизации, происходивших в использовании храмового имущества. В этом отношении два следующих документа представляют значительный интерес. Оба они относятся к раннеакхеменидскому времени и, согласно первому из

⁶¹ По-видимому, такая же практика сдачи финиковых плантаций сборщикам арендной платы существовала еще по крайней мере в Эсагиле в Вавилоне, которая была святилищем верховного государственного бога Мардука (см. YOS VI. № 103; ср. *Driel G. van. The Edict of Belšazzar. An Alternative Interpretation // JEOL. 1989. 30. P. 61–64.*

⁶² *Jursa. Die Landwirtschaft... S. 192–194.*

⁶³ *MacGinnis J. Letter Orders from Sippar and the Administration of the Ebabbara in the Late-Babylonian Period. Poznan, 1995. P. 160.*

⁶⁴ *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum. L., 1982. V. 56. № 665.*

⁶⁵ *Jursa. Die Landwirtschaft... S. 185.*

⁶⁶ См. подробно: *Дандамаев. Рабство в Вавилонии... С. 171–173.*

⁶⁷ *MacGinnis J. Ordering the House of Šamaš: Texts from the Management of the Neo-Babylonian Ebabbara // Iraq. 1998. 60. P. 213. № 6.*

⁶⁸ *Strassmaier J.N. Inschriften von Nabonidus, König von Babylon (далее – Nbn.). Lpz, 1889. № 172.*

⁶⁹ *Dandamayev M.A. State and Temple in Babylonia in the First Millennium B.C. // OLA. 1979. 6. P. 589–596.*

них, два человека обратились к управителю и писцам Эбавбарры с просьбой передать им «земли Шамаша», расположенные в определенном месте для выполнения там обязанностей гугаллу⁷⁰, которые в данном случае заключались в доставке в храм определенного количества фиников и ячменя, установленного уже при подписании контракта⁷¹. Как отмечает издатель текста, здесь, очевидно, имеется в виду отдача в аренду должности гугаллу для сбора пошлины, подобному тому как отдавались земли сборщикам арендной платы за заранее фиксированное количество продукции⁷². Судя по второму тексту, администрация Эбавбарры передала определенные земли одному лицу по его просьбе для сбора храмовой десятины. При этом количество подлежащих уплате ячменя и фиников определяется заранее, уже при заключении контракта⁷³. Таким образом, сборщики храмовой десятины, очевидно, были частными лицами, с которыми подписывались соответствующие соглашения. Как отмечает МакГиннис, в нововавилонское время наблюдается неуклонное стремление к приватизации функций чиновников храмового персонала частными предпринимателями⁷⁴.

В отличие от Урука и Сиппара документы из других городов Месопотамии в преобладающем большинстве происходят из частных архивов.

Если храмовые хозяйства по своему характеру были более или менее однородны, то частновладельческие хозяйства отличались большим разнообразием.

Прежде всего, в экономике страны значительную роль играли предпринимательские дома, наиболее древним из которых был дом Эгиби. Его деятельность прослеживается в документах в течение нескольких поколений, с 690 по 480 г. Она заключалась в купле-продаже, обмене и сдаче в аренду полей, домов, рабов, в ростовщических операциях, хранении вкладов других лиц, уплате долгов своих клиентов. Эгиби также основывали и финансировали совместно с другими лицами командитные (коммерческие) предприятия и занимались международной торговлей. Некоторые представители семьи Эгиби одновременно находились и на государственной службе. Например, Набу-аххе-иддин, глава семьи Эгиби в период правления Набонида, был одним из царских судей. В стране, охваченной духом приватизации, Эгиби шли в ногу со временем. Например, в 496 г. Гузану, наместник Вавилона, «доверил» охрану одного моста некоему Мурану, и несколько поименно упомянутых лиц помогали ему в этом. Все суда, «идущие вниз и вверх» по реке, должны были платить пошлины. Затем Гузану сдал мост в аренду Ширке (он еще носил второе имя – Мардук-нацир-апли), главе дома Эгиби, «за половину доли в доходе». Впоследствии Ширку и Мурану сдали мост в аренду за 15 сиклей серебра в месяц двум другим лицам с условием, что арендаторы не будут трагить «доход с моста» без ведома и согласия Ширки⁷⁵. Об имуществе Эгиби определенное представление дает документ, где речь идет о разделе семейного состояния. Разделу подлежали в частности около 100 рабов и 16 домов, в то время как многочисленные поля должны в общей собственности⁷⁶.

В родственных отношениях с семьей Эгиби находился выдающийся предприниматель Иддин-Мардук из семьи Нур-Сина. Дочь этого дельца Нуптая была замужем за Итти-Мардук-балату, сыном главы дома Эгиби Набу-аххе-иддина. Кроме огромного приданого (24 мины серебра, 10 рабов, домашняя утварь)⁷⁷, она по завещанию отца получила еще 1/3 его имущества, в то время как ее брату досталось 2/3 родитель-

⁷⁰ Это слово обычно переводится «надзиратель над каналами», но из рассматриваемого текста видно, что в его функции входило и управление финиковыми плантациями, см. *MacGinnis. Ordering...* P. 213.

⁷¹ *Ibid.* P. 213–214, № 7.

⁷² *Ibid.* P. 207.

⁷³ *Ibid.* P. 214. № 8.

⁷⁴ *Ibid.* P. 214.

⁷⁵ *Musée du Louvre, Le Département des Antiquités Orientales. Textes cunéiformes* (далее – TCL). T. XIII. P., 1929. № 196.

⁷⁶ *Strassmaier J.N. Inschriften von Darius, König von Babylon.* Lpz, 1897. № 379.

⁷⁷ *Wunsch C. Die Urkunden des babylonischen Geschäftsmannes Iddin-Marduk* (Cuneiform Monographs, Bd 3 b). Groningen, 1993. S. 113–124, № 137; S. 173–174, № 209.

ского состояния⁷⁸. Деятельность Иддин-Мардука и членов его семьи отразилась приблизительно в 400 документах и письмах, написанных в период между 557–517 гг. в Вавилоне и других близко от него расположенных городах. Постоянно он жил в Вавилоне и покупал в его сельской округе у землевладельцев и арендаторов, а также у сборщиков государственных податей большие партии чеснока, ячменя и фиников, доставлял их в Вавилон и продавал там горожанам. Он также торговал скотом и шерстью. Большой успех этих торговых операций был обусловлен тем, что в результате грандиозной строительной деятельности Навуходоносора II Вавилон превратился в крупнейший город на древнем Ближнем Востоке, и его постоянно растущее население во все больших размерах нуждалось в продуктах питания. Таким образом, Иддин-Мардук и подобные ему предприниматели превращали натуральные доходы деревенского населения в денежные⁷⁹.

Другой житель Вавилона Табия из семьи Син-или в период 585–545 гг. сдавал в аренду свои поля, расположенные в окрестностях Вавилона, Борсиппы, Сиппара, Киша и Марада, свободным людям и рабам, которые ежегодно платили ему в общей сложности не менее 10000 гл ячменя⁸⁰.

Более 900 документов, подавляющее большинство которых составлено в Ниппуре, отражают деятельность «предпринимательской фирмы» Мурашу в период между 454–404 гг. Ее деятельность была обусловлена изменениями в режиме земельной собственности, введенными ахеменидской администрацией в Вавилонии (во всяком случае в округе Ниппура). Мурашу брали в аренду земли, принадлежавшие царской семье, персидским вельможам, государственным чиновникам, а также наделы военных колонистов и различных профессиональных групп, доставляли им соответствующую арендную плату, а с земель, подлежащих налоговому обложению, платили еще денежные и натуральные подати. Все эти земли Мурашу вовсе не обрабатывали сами с помощью своих рабов, а сдавали в субаренду, снабжая своих контрагентов тягловым скотом, семенами, орудиями труда и водой для орошения. Поступавшие к ним продукты земледелия (в основном финики и ячмень) Мурашу продавали внутри страны. Например, в течение лишь одного только 423 г. Мурашу получили с арендованных ими земель 20 000 кур (36 000 гл) фиников, что в денежном эквиваленте составляло 750 мин (350 кг) серебра⁸¹. Таким образом, основная функция «фирмы» Мурашу заключалась в посредничестве между системой землепользования и производством, продавая урожай за серебро, чтобы уплатить землевладельцам и казне соответственно арендную плату и налоги деньгами⁸².

Некоторые документы из других архивов Ниппура по своему содержанию близко примыкают к документам Мурашу, однако последние в них вовсе не упоминаются⁸³. Из этого можно заключить, что дом Мурашу был лишь одной из «посреднических фирм» между производителями и потребителями.

Кроме того, в одном документе зафиксировано обязательство относительно уплаты 13,5 сиклей серебра в качестве годовой подати с надела, расположенного близ Ниппура. Однако примечательно, что, в отличие от синхронных документов архива Мурашу, налог выплачивается не через посредничество последних, а вносится владельцами земли непосредственно двум государственным чиновникам, собиравшим налоги⁸⁴.

Мелкие землевладельцы, которые имели около одного га или еще меньше земли, редко упоминаются в документах, так как они обрабатывали свои участки сами,

⁷⁸ Ibid. № 209.

⁷⁹ О деятельности этой семьи см. Ibid. Bd 3a. S. 1–11.

⁸⁰ Dandamayev M.A. Economy of Tabiya, a Babylonian of the Sixth Century B.C. // Oikumene. 1986. № 5. P. 51–53.

⁸¹ Cardascia. Les archives... P. 18.

⁸² Ibid. P. 17–18; Stolper. Entrepreneurs... P. 27–28.

⁸³ Joannès. Textes... № 1–26.

⁸⁴ Ibid. № 2.

с членами своих семей, не прибегая к помощи арендаторов или наемников. В большинстве случаев такие люди вели самостоятельные хозяйства и прибегали к рынку только эпизодически, чтобы обменять или продать скудные излишки своей продукции.

Жоаннес проследил деятельность семьи Эа-илута-бани из города Борсиппа в течение двух столетий (687–486 гг.). Эти люди принадлежали к «среднему классу» и принимали участие в работе местного храма Эзида, посвященного богу Набу, в качестве пребендариев, а также занимались различными ремеслами. Земельные участки таких семей редко превышали несколько гектаров, а цена их торговых сделок обычно ограничивалась несколькими сотнями литров ячменя и фиников. Тем не менее некоторые из семей, подобных Эа-илута-бани, сдавали свои земли в аренду⁸⁵.

Сохранилось много контрактов, заключенных золотых дел мастерами, кузнецами, медниками, ткачами, строителями и другими ремесленниками на изготовление различных предметов роскоши, одежды, а также на сооружение домов и т.д. за заранее оговоренную плату. Нередко заказчики предоставляли также необходимое сырье. Остановимся на некоторых из этих текстов.

Итти-Мардук-балату из дома Эгиби заказал у одного сапожника 4 пары кожаной обуви (Nbn. 566), а также 25 чанов «отменного» пива (Nbn. 600) и уплатил 1 мину серебра за дубление шкур⁸⁶. Этот клиент не был лишен хорошего вкуса: по свидетельству одного контракта, он заказал у ювелира ожерелье из 303 камушков «красивого вида»⁸⁷. Подобным же образом один из членов семьи Мурашу заказал у ювелира перстень с изумрудом, потребовав при этом гарантию, что камушек не выпадет в течение двадцати лет (BE. IX. № 41). Представитель дома Мурашу заключил соглашение с одиннадцатью пивоварами (среди них был и один раб) о приготовлении 5825 чанов пива вместимостью по 1 кур каждый (всего 10 485 гл). При этом заказчик снабдил работников 5825 кур фиников, чанами и прочими необходимыми предметами (BE. X. № 4). Очевидно, пиво в таком количестве могло быть предназначено только для продажи. Нет также оснований сомневаться в том, что ремесленники продавали свои изделия и на рынке, но эти сделки, очевидно, совершались устно, без оформления соответствующих документов, как это вообще характерно для всех времен.

Некоторые люди отдавали своих рабов мастерам для обучения различным ремеслам, так как квалифицированные ремесленники приносили значительный доход. Сохранились контракты об обучении обработке кожи, сапожному, красильному и столярному делу, ткачеству, домостроительству и т.д. По окончании обучения часть таких учеников открывала свои мастерские и работала на свой страх и риск, уплачивая хозяевам соответствующий оброк. При этом некоторые из мастеров, обучавших других ремеслам, сами были рабами⁸⁸.

Нововавилонский период был пронизан духом приватизации, что видно в частности и из положения рабов, многие из которых оказались вовлеченными в процессы самостоятельного ведения хозяйства. Это объясняется тем, что трудно было установить эффективный контроль над рабами, поскольку основным типом сельскохозяйственной экономики были мелкие хозяйства. Даже крупные землевладельцы (царь, храмы, богатые предприниматели) предпочитали сдавать землю арендаторам, так как рабский труд требовал постоянного надзора и соответственно больших расходов, поскольку раб всячески стремился уклониться от работы, не был заинтересован в результатах и качестве работы. По тем же причинам не существовало ремесленных мастерских, основанных на рабском труде. Поэтому широко стала применяться практика, когда рабам выделяли пекулий и разрешали пользоваться своим имуществом с условием уплаты фиксированного оброка. Такие рабы в экономической

⁸⁵ Joannès F. Archives de Borsippa. La famille Ea-ilûta-bâni. Genève, 1989. P. 119–126.

⁸⁶ Strassmaier J.N. Inschriften von Cyrus, König von Babylon. Lpz, 1890. № 148.

⁸⁷ TCL XII. 1927. № 101.

⁸⁸ Дандамаев. Рабство в Вавилонии... С. 165–170.

жизни действовали как свободные: брали и давали ссуды, занимались торговлей, открывали ремесленные мастерские, арендовали землю и т.д.

Пожалуй, самым наглядным и ярким показателем развития товарно-денежных отношений является применение свободного наемного труда. Он засвидетельствован еще в ранние периоды истории Месопотамии, но именно в I тыс. занял весьма важное место в общей структуре экономики. Храмы и частные лица в широких масштабах использовали наемный труд свободных людей особенно для выполнения трудных видов работ (например, сооружение каналов). При этом иногда трудно было найти достаточное количество людей и их приходилось нанимать по очень высоким ставкам, поскольку ни храмы, ни частные лица не могли найти им замену⁸⁹. Эти массы наемников, очевидно, были жертвами поляризации общества, значительно усилившейся в результате процессов приватизации.

Все это находится в явном противоречии с распространенным мнением, что на Ближнем Востоке на протяжении всей древности экономическая жизнь носила самодостаточный и самодовлеющий характер, что не оставляло места рыночным отношениям. Такое предположение было высказано известным экономистом К. Поляни⁹⁰. Позднее этот категорический вывод был несколько смягчен в посмертно изданной книге того же автора⁹¹. Его мнение было принято многими историками⁹². В частности выдающийся ассириолог А.Л. Оппенгейм писал об ограниченном и маргинальном значении рынков в Месопотамии, поскольку, по его мнению, городское население удовлетворяло свои потребности в сельскохозяйственных продуктах с собственных полей и садов, расположенных вокруг городов⁹³. Закканини полагает, что в Месопотамии колебания цен не зависели от спроса и предложения, поскольку такие базовые факторы, как оплата и пайки, не были подвержены влиянию рыночных отношений⁹⁴. Приняв в общем и целом предположение Поляни, Ренгер уточняет, что нельзя отрицать существование в древней Месопотамии купли-продажи, а также мест, заменявших рынки, но тем не менее, по его мнению, там не было рынка как фактора, определявшего экономическую систему, которая была основана на принципах распределения⁹⁵. По его мнению, существование рынка возможно только в том случае, если, по меньшей мере, отдельные слои населения удовлетворяют свои потребности более или менее исключительно через посредство рынка⁹⁶. Отметим однако, что Геродот (I. 197), который посетил Вавилон приблизительно между 460 и 454 гг., специально упоминает рынки этого города. Фиксированные цены и плата за услуги, если они вообще существовали в I тыс. до н.э., не действовали в реальной жизни и скорее носили теоретический характер. Например, цены на сельскохозяйственные продукты определенно колебались в зависимости от их качества и сезона года. Колебания цен зависели также от географического расположения тех или иных рыночных мест, не говоря о спросе и предложении. Например, взрослый раб стоил в среднем 1 мину се-

⁸⁹ Там же. С. 177–180.

⁹⁰ См. *Trade and Market in the Early Empires* / Ed. K. Polanyi, C.M. Arensberg, H.W. Pearson. New York – Toronto, 1957. P. 13–26.

⁹¹ *Polanyi K. The Livelihood of Man*. N.Y., 1977.

⁹² Но не всеми. Например, в одном из своих выступлений на упомянутом выше симпозиуме о приватизации Д.О. Эдцард говорил, что у него нет никаких сомнений относительно существования рынка еще в старовавилонское время, см. РМВ. 1996. 5. P. 216. Вопросу о рыночных отношениях в древности было отведено значительное место и на симпозиуме об урбанизации и земельной собственности на древнем Ближнем Востоке, который был проведен совместно Нью-Йоркским университетом и Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения РАН, см. *Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East* / Ed. M. Hudson, B.A. Levine // РМВ. 7. Camb. (Mass.), 1999.

⁹³ *Oppenheim A.L. Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization*. Chicago – London, 1977. P. 129.

⁹⁴ *Zaccagnini C. Markt* // RIA. 1989. Bd 7. P. 423.

⁹⁵ *Renger J. Patterns of Non-Institutional Trade and Non-Commercial Exchange in Ancient Mesopotamia at the Beginning of the Second Millennium B.C.* // *Circulation of Goods in Non-Palatial Context in the Ancient Near East* / Ed. A. Archi. Roma, 1984. P. 113–114.

⁹⁶ *Renger. On Economic Structures...* P. 175–176.

ребра, но известно достаточно случаев, когда раб стоил от 2 до 4 мин⁹⁷. В среднем плата взрослого наемного работника составляла 12 сиклей серебра в год, но в действительности она колебалась от 3 до 30 сиклей, а иногда доходила даже до 60 сиклей в год⁹⁸. Если, как полагают некоторые исследователи, наемники имели достаточно продуктов питания со своих участков земли и их работа не была вызвана необходимостью делать приобретения на рынке, то не понятно, почему они стали бы работать на других лиц. Кроме того, в нововавилонское время купцы (тамкары) не только находились на службе у дворца и храмов, но также были заняты внутренней и внешней торговлей, оперируя своим собственным капиталом⁹⁹. Существовали также многочисленные коммерческие товарищества, когда два или несколько человек совместно вели торговлю, деля между собой выручку и убытки. Степень создания излишков продукции в том или ином обществе зависит от динамики экономического роста. В нововавилонское время этот излишек составлял сотни тысяч или даже миллионы гектолитров ячменя и фиников, которые регулярно накапливались у храмов и крупных предпринимателей и частично подлежали реализации на стороне. Таким образом, рынок определенно играл большую роль в экономике Вавилонии, по крайней мере в I тыс. до н.э.

Выше было приведено мнение Ренгера о том, что для функционирования рынков необходимо существование определенных групп населения, которые полностью или по крайней мере в значительной степени удовлетворяют там свои потребности. Но такая постановка вопроса по отношению к традиционным обществам представляется нам не совсем правильной. Положение в действительности было иным: все слои населения в основном жили со своих натуральных хозяйств и пользовались рынком, продавая там излишки своей продукции и одновременно приобретая необходимые товары. Таким образом, и для этих рынков также были характерны спрос и предложение, не говоря о переговорах относительно цен на те или иные товары.

Рассмотренные выше данные позволяют придти к следующим выводам. В ранние периоды истории Месопотамии (III – начало II тыс.), когда еще не существовало рыночных отношений и не было возможности использовать наемный труд в сколько-нибудь широких масштабах, ведущая роль в экономике принадлежала всеохватывающим замкнутым и самодостаточным государственно-храмовым хозяйствам, ибо только они оказались способными накапливать все необходимые ресурсы, приобретая также важнейшие сырьевые материалы из других стран. В государственном хозяйстве работали и жили за его счет десятки тысяч людей, большая часть которых оказалась бы обреченной на голодную смерть вне его рамок. В нормальное время, когда не было стихийных бедствий и военных вторжений внешних врагов, пайки, выдаваемые работникам, были вполне достаточны для жизни. Этот тип хозяйства позволял также создать и содержать в образцовом порядке единую ирригационную систему в масштабах всей страны, осуществлять различные строительные проекты и оборону от вражеского нападения. Например, в период III династии Ура на огромной территории царили мир и порядок. Когда шумерские цари (например, Шульги) заявляли, что они являются миротворцами и благодетелями своего народа, это, вероятно, не вызывало у них чувства неловкости перед богами и даже внутреннего протеста у населения. Во времена, когда срочные государственные депеши доставлялись на ослах, безопасные дороги простирались на сотни километров, охватывая не только Южную Месопотамию, но также целые районы соседних стран – Элама и Сирии. Существовали идеально организованный транспорт и служба гонцов, которые могли получить причитающееся им питание на любом промежуточном пункте. Сосредоточив все доступные трудовые и материальные ресурсы, государство смогло добиться огромных

⁹⁷ Дандамаев. Рабство в Вавилонии... С. 122–125.

⁹⁸ Dandamayev M. Free Hired Labor in Babylonia During the Sixth through Fourth Centuries BC. // AOS. 1987. 68. P. 272–274.

⁹⁹ Dandamayev M. The Neo-Babylonian tamkāru // Solving Riddles and Untying Knots. Biblical, Epigraphic, and Semitic Studies in Honor of J.C. Greenfield. Winona Lake, 1995. P. 523–530.

(вероятно, потрясающих по представлениям того времени) результатов во всех отраслях тогдашнего производства – пахотном земледелии, садоводстве, ремеслах и рыболовстве.

Однако с течением времени стали проявляться недостатки, присущие всем крупным централизованным хозяйствам и делавшие их малоэффективными. С начала II тыс. государственное хозяйство заметно уменьшилось в своих размерах. В конечном итоге экономика, основанная на большом бюрократическом аппарате и полусвободном труде, была заменена частновладельческими и храмовыми хозяйствами, применявшими в основном свободный труд, дополненный рабским. Причины нерентабельности огромного государственного хозяйства были совершенно тривиальны. Рядовые работники, лишившиеся прав свободных членов общества, не проявляли интереса к работе и требовали постоянного надзора, особенно в критические моменты, когда вследствие неурожая, вражеского вторжения и т.д. им урезали пайки. Вместе с тем аппарат чиновников и надсмотрщиков постоянно становился непомерно громоздким и дорогостоящим. В периоды ослабления центральной власти чиновники все чаще злоупотребляли своим служебным положением, используя государственное имущество для личного обогащения.

Хотя Законы Хаммурапи требовали многократного возмещения похищенного дворцового и храмового имущества, это не могло предотвратить каждодневного посягательства на него. И через тысячу с лишним лет после смерти Хаммурапи, когда указанная статья относительно храмового имущества все еще продолжала действовать, нововавилонские архивы полны судебными протоколами относительно тридцатикратного возмещения птицы, скота и различного другого имущества, похищенного у храмов.

Почти все месопотамские цари торжественно заявляли в своих надписях о борьбе против подкупных судей, что однако само по себе свидетельствует об обреченности их усилий на неудачу. Если верить Геродоту (V. 25), персидский царь Камбиз велел казнить некоего Сисамна, одного из судей, который, будучи подкупленным, вынес несправедливый приговор. Затем, по распоряжению царя, содрванная с тела казненного кожа была выдублена и из нее нарезаны ремни, которыми было обтянуто судейское кресло Сисамна. На место последнего судьей был назначен его сын, который должен был выносить решения, сидя в том же кресле. Однако этот случай, естественно, не оказал существенного влияния на систему правосудия.

Приведенный выше эпиграф к этой статье о бесконечных расходах и неисчерпаемых запасах, которые тем не менее никого не делают богатым, прекрасно характеризует распределительную систему при любом общественном строе¹⁰⁰. Исторический опыт показывает, что сходные экономические системы, существовавшие в совершенно разные эпохи, обнаруживают в общем и целом те же самые механизмы функционирования. В теории государственное хозяйство имеет много преимуществ и может поддерживать и защищать целые классы населения. Что же касается частновладельческого сектора, он наоборот поляризует общество, порождая богатых и бедных и тем самым превращая часть людей в долговых рабов. Однако человеческий фактор с течением времени делает государственное хозяйство неэффективным. Тот же фактор с его умением концентрировать экономические ресурсы в руках конкурентоспособных делает частновладельческие хозяйства предприимчивыми и эффективными.

В течение столетий гуманисты отождествляли частную собственность с огромным злом, порождающим язву и несчастья общества. Но многократные попытки уничтожить это зло, предпринимавшиеся в различные периоды, оказались обреченными на неудачу, в то время как вечное воплощение этого зла – стремление к приватизации с его духом стяжательства – оставалось непобедимым.

¹⁰⁰ См. Renger. On Economic Structures... P. 177.

Под приватизацией мы имеем в виду не только прямой захват или иное присвоение государственного или храмового имущества частными лицами с последующим юридическим оформлением права собственности за новым владельцем или по крайней мере фактическим признанием этого факта, но также и процессы замены подневольного труда, основанного на системе пайков, трудом свободных, вознаграждаемым по обоюдному добровольному соглашению между работодателем и наемником.

Как отмечает Эдзард, приватизация в прямой, ничем не прикрытой форме происходила редко, и вряд ли такое присвоение собственности приобретало вид официальной продажи¹⁰¹. Исходя из ретроспективного исторического опыта, мы могли бы предположить, что приватизацию начинали те, кто стоял ближе всего к собственности. В действительности же приватизация происходила одновременно на разных уровнях, как на вершине бюрократической лестницы, так и среди рядовых работников. Детали этих процессов нам не известны, ибо в источниках перед нами обычно предстает уже законченная картина результатов приватизации, обычно происходившей в периоды смут, когда оформлением документов вовсе не занимались. Например, когда в самом конце III тыс. аморейские племена начали успешно наступать из Сирии на территорию державы Ура, государственное хозяйство рухнуло. Поскольку хорошо известные нам имена этого хозяйства и разного рода его надсмотрщики больше не упоминаются в источниках, логично будет предположить, что распад государственного сектора привел к процессам приватизации его земель. И поскольку как чиновники, так и многие работники владели наделами из государственного фонда, каждый из них захватывал участок земли, находившийся в его пользовании. Таким образом, вместо всеобъемлющего дворцово-храмового хозяйства на прежней государственной земле стали появляться частновладельческие хозяйства. Хотя частный сектор экономики существовал и раньше на общинной части земли, теперь он стал постоянно расширяться и за ее пределы. Ему предстояло пройти долгий путь исторического развития и в конечном итоге стать ведущим сектором экономики и вместе с тем нести основную тяжесть по содержанию армии и государственного аппарата за счет уплаты налогов, ибо государственная экономика постепенно сузилась в своих размерах, фактически превратившись в хозяйство царской семьи, основанное на принципах частновладельческого ойкаса или, другими словами, в приватизированное личное имущество царя. В вполне законченном виде эти процессы проявляются в нововавилонское время, которое с полным правом можно назвать эпохой приватизации¹⁰² и соответственно беспрецедентного подъема экономики, основанной на труде свободных земледельцев, арендаторов и ремесленников. В этот период в частные руки переходили практически все виды работ и услуг, которые приносили доход (например, сбор арендной платы и взимание государственных и храмовых налогов, пошлин и т.д.).

Как мы видели выше, еще во времена Хаммурапи, в XVIII в., статус наделов, выданных воинам из казенного фонда, был двойственным: они считались царской собственностью и их нельзя было отчуждать, но вместе с тем они в течение многих поколений передавались по наследству. Однако приблизительно через тринадцать столетий после Хаммурапи эти наделы уже можно было продавать при условии, что новый владелец будет нести соответствующие повинности. Хотя саму такую возможность продажи нельзя считать приватизацией, поскольку земля формально все еще принадлежала царю, тем не менее этот пример свидетельствует о присущем эпохе духе приватизации.

Динамика интенсивного экономического развития и быстрый рост товарно-денежных отношений делали положение многих жителей крупных городов неустойчивым, и поэтому даже состоятельные люди нередко теряли свои заложенные за долги дома, земли и рабов и разорялись.

¹⁰¹ Edzard. *Private Land Ownership...* P. 114.

¹⁰² Cp. Driel G. van. *The Murašûs in Context // JESHO. 1989. 32. P. 226.*

Тем не менее, насколько можно судить по документам повседневной жизни, процессы социального расслоения среди свободных не привели к угрожающей для общества концентрации земли в руках немногих, к массовому разорению и порабощению свободных. Это хотя бы отчасти можно объяснить тем, что лишившиеся своей земли люди могли заниматься наемным трудом или арендовать чужую землю вместе с посевным зерном, тягловым скотом и рабочим инвентарем. Примечательно, что статьи Законов Хаммурапи и других юридических актов II тыс., которые ограничивали долговое рабство несколькими годами, в нововавилонское время уже не действовали. Это легко объясняется тем, что в I тыс. долговое рабство уже не было распространенным явлением и поэтому не представляло существенной опасности для общества. Именно по этой причине, в отличие от ранних периодов, нововавилонские правители не издавали никаких законодательных актов, которые требовали восстановления поправных прав бедняков путем возврата им через определенное количество лет заложенного имущества и аннулирования накопившихся за ними долгов.

DISINTEGRATION OF THE STATE ECONOMY AND PRIVATIZATION PROCESSES IN ANCIENT MESOPOTAMIA

M.A. Dandamayev

In the third and at the beginning of the second millennium B.C., when the market relations were still in a rudimentary form, the leading role in economy belonged to huge state and temple households which alone were able to accumulate all necessary resources in order to employ thousands of people with work and consequently to supply them with food and clothes. This type of economy made it also possible to organize a centralized system of irrigation on the scale of the whole country.

In the course of time, however, those great organizations based on cumbersome and expensive bureaucracy, as well as on the labour of dependent strata of the population became ineffective and from the beginning of the second millennium B.C. on their dimensions were becoming smaller, ceding to more competitive and effective private households. The state economy gradually turned into a comparatively small household belonging to the royal family. At the same time, it was private households at the expense of which the army and state bureaucracy were kept. These processes were completed during the Neo-Babylonian period which was characterized by an unprecedented rise of economy based mainly on the labour of free farmers, tenants and artisans, while slave labour was only an addition to them.